— Нийёпе, — протянул Асума. «Это обычная птица, Мито».

«Хорошо», — щебетал Мито, используя порыв ветра, чтобы опустить его на землю.

«Мито!» Асума зашипел. «Во-первых: это было просто ХОЛОДНО», - простонал он и погнался за своей младшей сестрой, которая, вероятно, собиралась вовлечь его в еще одну из своих «великих идей».

«Я не хотела», — крикнула Мито, подбегая к упавшей птице. «У меня нет твоего уровня владения ветром, Асума! Если бы ты просто не стоял и смотрел на него, я бы не причинил ему вреда! О нет!» Мито поднял серовато- черную птицу, которая ему сломали крыло, и он начал очень тщательно его лечить. Слава богу, она стала лучше справляться с такими вещами.

Асума взял послание, которое птица несла со своей ноги, и развернул его. «Идем дальше… Номер ДВА», — добавил он, подняв вверх два пальца, — «если ваш подозреваемый наблюдает…»

«Это не так: я получил сигнал от одного из моих клонов. Кико-сама всегда обедает в это время, но я получаю сигналы от клона, просто чтобы убедиться, что ее нет дома, когда меня нет рядом».

— Че! Теперь, когда эта глупая тварь жива и здорова, она захочет вернуться к тому, кому она принадлежит, — раздраженно сказал Асума по поводу птицы. «Аааа и даже хуже: похоже, ты был прав».

Глаза Мито расширились, она проигнорировала сообщение и мысль о том, что птица вернется к своему хозяину, пока она исцелит бедняжку. «Нет, не будет! Я сохраню его, и он будет моим другом».

— О Боже, — усмехнулся Асума.

— ЗАТКНИСЬ, АСУМА, — прокричала Мито, ее волосы взлетели вверх, напугав и птицу, и Асуму. «Ой, прости, малыш! Мы с тобой будем большими друзьями, не так ли?»

Птица, даже несмотря на свои глаза-бусинки, казалось, все еще выглядела испуганной, из-за чего подросток надулся. «В любом случае, нам нужно более тщательно сравнить этот почерк с образцами, которые прислал Эро-сеннин, чтобы убедиться», — сказал Мито, прежде чем убежать с бедной птицей. Асума следовал за ней неторопливо, в конце концов ожидая в ее комнате и расшифровывая сообщение, в то время как Мито занималась бог знает чем с птицей.

— Чирику, — прошипела Мито, постукивая в его дверь локтем и плечом. — Откуда у тебя птичья клетка? — спросила она, врываясь сразу после того, как он открыл дверь.

«Я сделал это», - объяснил он, глядя на птицу, пытающуюся убежать от подростка. «Мито-химэ, прежде чем приносить домой животное, разумно подготовиться к нему ».

«Я знаю это, но этот только что звонил мне», — солгала она. Она уже несколько недель наблюдала, как эта птица летит прямо между Конохой и дворцом! «У вас есть дополнительная клетка?»

Чирику вздохнул, поверив ей, поскольку знал, что Мито иногда может быть немного импульсивной. «Похоже, это… разновидность попугая?» он спросил больше, чем сказал. Внешне оно напоминало попугаев, которых он видел, но окраска была почти черной.

«Может быть? И даже если он дикий, его или ее можно дрессировать», — ответила она.

— Действительно, — ответил Чирику с вызывающей ухмылкой.

«Ты называешь меня диким животным, ттебане?»

«Конечно нет», — мудро солгал Чирику, прежде чем попросить ее подождать его возвращения. Когда он вернулся, он открыл дверь и увидел огромную птичью клетку. «Этот должен подойти. Раньше он принадлежал Чукаку-саме». Он проигнорировал незрелую манеру Мито высунуть язык, давясь напоминанием о своем хозяине. Птица его хозяина умерла после долгой жизни: вот что было важно сейчас, а не старомодные идеи его хозяина. «Вы можете повесить его в своей комнате».

Мито вздрогнула, теперь понимая, во что ввязалась. Раньше у нее никогда не было домашнего животного. «Спасибо, Чирику. Ухх, ты можешь помочь мне отнести его в мою комнату?» У нее были руки, полные птиц, поэтому она не могла даже сделать пару клонов, чтобы помочь, и казалось неправильным позволять птице летать по комнате Чирику, хотя это было бы забавно. На обратном пути в общежитие Мито засыпала его вопросами об уходе за птицами, поскольку его пара неразлучников только что произвела на свет собственных птенцов кавайных неразлучников. Обычному человеку было нелегко разводить этих маленьких милашек в неволе, поэтому Чирику должен был знать, что он делает.

Асума начал смеяться над размером птичьей клетки, когда обнаружил, что монах изо всех сил пытается занести ее в маленькую комнату Мито. Пока что он помог ему отнести его назад. Клетка занимала больше четверти ее пространства.

— Ой, заткнись. «Руто-тян будет счастливее в большой клетке!»

Асума остановился как вкопанный, прежде чем разразиться смехом. «'Руто-тян?' Твоя одержимость младшим братом начинает становиться болезненной и извращенной, Мито».

«Пошел ты, Асума!»

Чирику откашлялась, и Мито извинилась: ее любимый монах не любил сквернословия. Мито и Асуму, так или иначе, это не особо волновало. Вероятно, поэтому годы спустя «Пошел ты, Асума» стало одной из любимых фраз птицы, помимо воркования о себе, наряду с «Заткнись, Асума!»

Попав в клетку, птица тут же покакала в нее, заставив Мито мягко, но твердо отругать его. Оба старших мальчика начали смеяться над ней: один открыто, а монах, прежде чем пойти за газетой, спрятал его за рукой.

Глядя в маленькое окно, которое было создано/перестроено, когда Мито пробил дыру в стене, Асума убедился, что вокруг них никого нет. «Я расшифровал все, что мог», — сказал он тихим голосом. — Ты был прав насчет того, что жрица — куноичи.

«Кико чертовски хорошо умеет скрывать свою чакру», — сказала Мито, немного злясь на себя за то, что не поняла этого сразу после того, как Кико перешла в главный храм. — Это было сообщение от Данзо? Асума кивнул головой, а Мито подпрыгнула от волнения. «Да! СКАЖИ МНЕ, что она тоже трахается с Данзо: как бы это ни было отвратительно!»

Асума поморщился. Фотографии жрицы и даймё, сделанные Мито, были достаточно плохими, но она еще и любовница Данзо, или что-то в этом роде? Это было что-то вроде мыльной оперы,

вот тут! «Не знаю, но в переписке была определенная фамильярность, учитывая, что она от ТОГО парня», — начал он, остановившись, когда Чирику вернулся в комнату Мито. Асума лениво положил захваченное сообщение обратно в карман, чтобы не вызывать подозрений.

С тех пор, как Асума прибыл сюда, им троим стало вполне комфортно друг с другом. Сарутоби наблюдал, как Мито убирала птичий беспорядок, жалуясь на его запах, а затем кладя газету на дно клетки «Руто-тян». Он просто знал, что Мито будет жаловаться и волноваться из-за этой птицы – и из-за того, что «животных никогда не следует держать в клетках» – бесконечно.

Обсудив, где ее разместить, Чирику посоветовала ей понадобится несколько крючков, чтобы правильно удерживать большую клетку над столом Мито, перед новым окном. К счастью, у Мито был выходной от ее обязанностей по Мико, хотя она планировала позже поплакаться жрице о том, что случайно поранила птицу, поскольку почти не было сомнений, что Кико будет ожидать ее прибытия.

.

Джирайя хихикнул через плечо своего ученика, злобно ухмыляясь, глядя на фотографии, которые тот показывал. Когда он пошел навестить свою крестницу, фотографии были ПОСЛЕДНИМ, что он ожидал получить! О, но ему было весело увеличивать эти картинки.

— АААК, — Минато вытаращил глаза, прежде чем спрятать глаза за другой рукой. «Дорогой Ками! Я не хотел этого видеть». Выражение эйфории, отразившееся на лице обнаженного Даймё, когда на нем сидела столь же обнаженная черноволосая куноичи, просто тревожило. — И ты знаком с ее сенсеем? Минато быстро перешел к следующему фото, на котором довольно четко было видно лицо женщины. Она выглядела немного знакомой, и Минато предположил, что ее можно охарактеризовать как «красивую», хотя на этом все.

«Однако у нее красивое тело», — подумал он про себя, прежде чем прогнать эту мысль, чтобы его покойная любимая жена не узнала об этом.

Хотя прошло уже более пятидесяти лет с тех пор, как она была убита – возможно, его бывшим учеником, не меньше – Минато все еще думал о Кушине и скучал по ней каждый день.

«Я знаю ее довольно близко », — хихикнул Джирайя по поводу «Кико-чан». Лицо Хокаге погрустнело: как же я не превратил Минато в извращенца? Честно говоря, Джирайя чувствовал, что подвел его, независимо от того, стал Минато Хокаге или нет.

«Ее настоящее имя?» — сухо спросил Минато — и помпезно, подумал Джирайя.

«Ее зовут Кико», — сказал он, шевеля бровями и пытаясь заставить своего ученика отреагировать. Наконец бросив игру, он сел на край стола. « Шимура Кико».

— Нет, — Минато почти ахнул. «Она родственница Данзо?»

Джирайя кивнул головой, прежде чем ответить, усиливая драму. «Она его ДОЧЬ», — усмехнулся он.

«О боги», — простонал Минато, прежде чем вернуть все фотографии Джирайе, чтобы он сделал с ними все, что угодно: он действительно не хотел думать о том, что это может быть. «Асума-кун отлично справился с получением этого материала», — сказал он почти самому себе. Хотя Асума не смог расшифровать сообщение целиком, Джирайя видел достаточно сообщений головорезов Данзо, чтобы понять это.

«Если не считать расшифровки, это все Мито», — гордо воскликнул Джирайя, не читая ни настроения комнаты, ни того, как изменилась ее температура. «Она совсем маленький инфильтратор!»

«Моя дочь сделала эти… фотографии», — спросил Минато, чувствуя себя плохо.

"Она это сделала! Сказала, что пролезла через вентиляционные отверстия - это очевидно - но даже и через канализацию, чтобы забрать товары! ОДНАЖДЫ, - продолжал он, совершенно впечатленный, - она висела как вешалка в комнате, куда они прокрались, чтобы трахаться! "

«Сэнсэй! О, боги …»

«Могу ли я увидеть фотографии?» — спросил забавный голос сверху.

«Конечно, малыш!» — воскликнул Джирайя, прыгнув в скрытые стропила. К несчастью для Какаши И Генмы (в каком-то смысле?), Минато быстро занял свои позиции, а затем ударил каждого по голове с достаточной силой, чтобы сбить их на пол.

.

Недели спустя -

Кико-сама только что ушла на свой продолжительный обед (Мито догадалась, что она снова может быть с даймё, но в тот момент это ее не волновало), когда почувствовала приближающееся к ней одинокое присутствие. Вся гвардия, которая на самом деле не охраняла даймё и дворец, должна была в этот час либо тренироваться, либо спать, поэтому Мито задавался вопросом, чего хочет пожилой человек. «Кадзума-сан? Я могу вам чем-нибудь помочь?»

Казума потер рукой шею, выглядя смущенным, но что-то подсказывало Мито, что это был притворство. «Мой, э-э, партнер умер».

Рот Мито открылся, она была глубоко потрясена и опечалена за своего коллегу. Ей также было ужасно из-за того, что она с подозрением относилась к причине, по которой он был здесь, особенно потому, что она (иногда, даже сейчас) тоже переживала горе. «Мне очень жаль вашей потери. Пожалуйста, сядьте. Боюсь, вы только что скучали по Кико-сама. Чем я могу помочь? …Я могу достать ее для вас?»

— Нет, нет. В этом нет необходимости, — сказал Казума с грустной улыбкой. «Может быть, мы можем просто… поговорить?»

"Конечно." Казума, однако, молча сидел рядом с Мито, время от времени хватая ее за руку, на протяжении добрых получаса. Наконец, когда он заговорил, ей показалось, что он был близок к изнеможению.

«У нас было так много планов», — усмехнулся он, прежде чем улыбнуться ей и почувствовать явную боль. «Довольно глупо для такого монаха-шиноби, как я, да?»

«Вовсе нет», — заверила его Мито. «Синоби или монах — это прежде всего человек, и, к счастью, это часть человеческой натуры — надеяться и планировать будущее». Продолжая, она очень надеялась, что ее голос звучит достаточно обеспокоенно. Ей казалось, что она не очень хороша в этом деле. «Это то, как мы развиваемся как вид и как личности».

«Человек, да?» В конце концов Казума пробормотал, казалось бы, глубоко задумавшись, но по какой-то причине Мито озноб, и она почувствовала… ну, ей захотелось ударить его ножом!

Чуть отстранившись от него, она глубоко вздохнула, напоминая себе, что с ней все в порядке и... Ну, черт возьми! Этот бедный человек скорбит: что со мной не так?! — Хотите поговорить об этом?

«Я… нечасто ее видел в последнее время. Видите ли, она была куноичи в отставке: ранена на прошлой войне».

«Ее раны лишили ее возможности продолжать карьеру?» — спросил Мито.

Казума грустно усмехнулся, потратив несколько минут на то, чтобы снова оплакать женщину, которую он любил: женщину, которая на самом деле погибла во время нападения Девятихвостого, когда они навещали ее родителей в Конохе. «Она была красивой женщиной. И она сделала мне лучший подарок в мире».

«Твой сын», — предположила Мито, зная, что Казума был единственным монахом, у которого, по крайней мере, был известный ей ребенок.

— Действительно. Сора-кун собирается творить великие дела.

Мито хмыкнул. «Я уверена, что так и будет», - утешительно сказала она. "Сколько ему лет?"

«Шесть! Иногда я не могу поверить, что прошло так много времени. Я помню, как он поместился в моих руках», — начал он, жестикулируя и почти видя младенца, которого принес в жертву.

«Моему младшему брату почти шесть, я скучаю по нему».

— Да, — сказал Казума, глядя в пространство, и его губы скривились в ухмылке. «Сора-чан скоро займет свое место рядом со мной».

«Правда? Это чудесно».

«Это будет для него испытанием», — казалось, сказал он себе, но затем откинул с лица длинные волосы и одарил Мито какой-то яркой, но водянистой улыбкой. «Я подумал, что было бы справедливо вас предупредить; должно быть, это буддийское учение…»

Мито улыбнулась ему в ответ, не совсем понимая, о чем он ее предупреждает, но догадалась, что он имел в виду, что его маленький мальчик буйный. Казума внезапно встал и похлопал себя, ища что-то, когда вошла жрица Кико с этим старым дураком Чукаку. Мито встала и поклонилась им, а Чукаку тут же вцепился в Кадзуму, шепча молитвы, пока тащил его к алтарю. Кажется, им уже сообщили о его пропаже.

— Ты извинина, Мито-химэ.

— Как пожелаете, Кико-сама, — сказала Мито, поклонившись и прощаясь. Ей не терпелось снять мантию и потренироваться. Ее обязанности Мико были скучными, и, очевидно, ей нужно было сжечь всю свою лишнюю энергию, учитывая странные и жестокие вибрации, которые она получала от бедного скорбящего человека.

«Он мне не нравится».

— Кьюби-сама? — пораженно спросила Мито, копаясь в самых глубоких уголках своих Чертогов разума. Она только что добралась до своей комнаты и, запечатавшись там, была потрясена, услышав, как Кьюби заговорил с ней ПЕРВЫМ. Да, он угрожал ей, наверное, сто раз, но в основном это было во сне – или, конечно, когда она приходила поговорить с ним ежемесячно – каждый раз. Одинокий. Время!

Но просто чтобы сказать что-то еще? Это было совсем на него не похоже.

— Опять же, я ненавижу всех вас.

— Верно, — кивнул Мито, зная, что он определенно так и сделал. В последний раз, когда он разговаривал с ней, он сравнил себя с ее птицей и заставил ее плакать и о нем, и о Руто-тяне, заключенном в такую же тюрьму.

Но что ей было делать? Что-то (кто-то) должно было сдержать Девятихвостого, иначе он убил бы буквально всех, учитывая, как сильно он ненавидел человечество. В течение последних нескольких лет она пыталась и пыталась обратиться к нему, но обнаружила, что повторяет ему одно и то же, снова и снова. «Я знаю, что ты любишь. У тебя есть веские причины ненавидеть нас, Кьюби-сама».

«И я пока не могу освободить Руто-тян», — скорбела Мито. Она попросила прощения у всех божеств, которые только могла себе представить, за то, что поймала и полюбила эту бедную птицу.

— Тц, — прорычал Курама, совершенно раздраженный. Его контейнером было хвостатое животное с истекающим кровью сердцем — нет, она была просто кровоточащим сердцем ни для чего! Почему она не могла просто ненавидеть его в ответ, как два других его джинчурики?

«Я дам тебе совет, мешок из плоти: я чувствую все негативные эмоции».

Мито отпрянул, изумленный – и тоже не совсем поверивший ему. Серьезно, зачем ему говорить ей это, если это правда? Это было то, что ей нужно было тщательно обдумать. "Почему ты говоришь мне это?"

«Потому что ты жалок. А теперь пошли на хуй. Прочь».

Мито обнаружила, что тупо смотрит на клетку Руто-чан: проклятая лиса снова выгнала ее из головы. «Руто-тян! Что мне делать с этим парнем?» подростковый мопед. Она ворковала птице, которая начала кивать ей головой, казалось, соглашаясь с тем, что с Кьюби невозможно иметь дело. «Кто такая милая птичка? КТО такая милая птичка?!»

«Довольно птичка», — повторила птица. Мито подпрыгивала вверх и вниз, взволнованная, пока не услышала стук в дверь. Отвечая, она нашла Анко, которая выглядела УЖАСНО. «АНКО! Заходи, заходи», — схватила она подругу, которая навалилась на нее, как будто собиралась упасть, хотя тоже слабо шлепнула ее. Однако чтобы заставить Мито остановиться, потребуется нечто большее. Проведя быструю диагностику своей подруги, которая до сих пор ничего не сказала, Мито обнаружила, что ее система чакр работала почти пусто и каким-то образом загрязнена, за неимением лучшего слова. "Что с тобой случилось?"

«Ничего», — сказала Анко, прежде чем чуть не упасть лицом вниз.

"Ты в порядке?" — рефлекторно спросил Мито. Ее лучшая подруга выглядела оборванной и явно делала вид, что не хочет, чтобы она помогала.

«Да! Со мной все в порядке, я потрясающая», — солгала Анко. Она попыталась засмеяться, но ей было слишком больно, чтобы это выглядело правдоподобно.

— Я чувствую, что что-то… не так с тобой, Анко-чан, — сказала Мито так мягко, как только могла. Было ли это тем, о чем говорил Кьюби, или просто ее собственной способностью чувствовать вещи? Она действительно хотела потребовать ответов на все вопросы, во что ввязалась ее подруга, а также хотела удержать ее и осмотреть, но сначала она дала Анко шанс рассказать правду самой.

Они такие были.

…Если только не злиться и не выбивать друг из друга слова с любовью: это был у них с Анко еще один способ справиться с дерьмом.

Анко повернулась и села в угол. «Могу ли я просто… пожалуйста, остаться здесь на день или около того?»

У Мито даже не было возможности ответить ей. Анко потеряла сознание!

«Боже мой, девочка! Что у тебя… ПРОСТО МИНУТУ!» Мито осторожно кормила свою лучшую подругу чакрой, но ее прервал ЕЩЕ ОДИН стук. Нет: кто-то стучал в ее дверь, и казалось, что она бы ворвалась, если бы не печати Мито. Поскольку после того, как впустила Анко, несколько ее тюленей упали, Мито точно знала, кто был ее новым гостем. «ВОЙДИТЕ», — проревела она, вложив немного чакры в стену, чтобы позволить своему наставнику войти.

«Тебе нужно МНОГО объяснять, паршивец», — парилась Цунаде. «А что это здесь делает, — начала она спрашивать, указывая на Анко, — и почему она спит?!»

«Я… я не совсем знаю, Баа-чан. Анко только что пришла: проверь это», — попросила Мито и начала проводить правильную диагностику своей подруги с помощью лучшей версии своего ирё-ниндзюцу, которая у нее была. Цунаде продолжила то, что сделала Мито, и громко выругалась.

Стянув ошейник фиолетововолосого подростка с ее шеи, гневная чакра Цунаде прокатилась по комнате, как гром, буквально напугав бедного Руто-чана. Мито ахнула от увиденного.

«Этот больной сукин сын!»

«Кто бы сделал это с ней?» — воскликнула Мито, пытаясь, но не сумев понять сердитую красную печать, которая была на шее Анко.

«Орочимару!»

— Нет! Он… он любит Анко-тян, — заверила ее Мито, зная, что это определенно правда. Орочимару-оджи любил их обоих, как будто они были его надоедливыми племянницами. Возможно, он даже чувствовал, что Анко была его дочерью, хотя Мито знал, что он никогда в этом не признается. Однако Цунаде, казалось, была уверена, и от этого Мито захотелось заплакать. "Почему?"

Почему она думает, что это он? И зачем ему или кому-либо еще сделать это с Анко?!

Цунаде села на татами, кратко взглянув на пернатого новоприбывшего с момента ее последнего визита (закатив из-за этого глаза), а затем закрыла лицо руками. «Твой «дядя»

больной, больной человек».

Мито нахмурилась и не поверила своим глазам, не говоря уже о том, что боялась за свою лучшую подругу – и даже за своего дядю. "Что это значит?" — спросила она тихим голосом.

«Я не знаю», — призналась Цунаде, прежде чем чуть не лечь рядом с Анко. «Мой старый товарищ по команде попросил меня проконсультироваться о нескольких детях, которых он собрал: не могу поверить, что думал, что он изменился; что он стал КРОВОТОЧИВАЮЩИМ СЕРДЦЕМ!»

«Из писем его и Анко складывается впечатление, что он пытается помочь многим детям-сиротам», — сказал Мито, зная, что Анко так гордился тем, что был его первым учеником и официальным учеником. Она также выступала в роли сенсея для маленьких детей, которых он взял к себе. Орочимару проделывал адскую работу, заботясь о детях со всего мира, которым больше некуда было идти.

«Тогда объясни, что это за печать, Мито-тян. Ты же сам увидишь, что это такое!»

Мито не хотела этого признавать, но отрицать правду было невозможно. «Дзюиндзюцу: запретная печать. Даже «проклятая». Пожалуйста, помогите мне снять ее с нее! Я не знаю, как она получила ее, но…»

«ОН наложил это на нее, Мито! Я видел это на некоторых других его мертвых жертвах! Это были ДЕТИ! Я думал, они умерли от различных болезней, которые у них были, но…»

«Нет», — умоляла Мито, совершенно не в силах поверить, что Орочимару мог сделать что-то подобное. Собравшись с силами и сосредоточившись на проблеме, она спросила более сильным голосом: «Ты знаешь, как избавиться от нее?»

— Я нет, — вздохнула Цунаде, покачав головой. «У твоей матери были все свитки моей бабушки, и… Все, что касается дзюдзюцу, вероятно, находится под замком в Башне Хокаге».

Эмоции Мито почти одолели ее, когда она вспомнила, как мать начала учить ее, используя огромную библиотеку свитков, но, как всегда, она отогнала воспоминания и эмоции прочь. Сосредоточиться на Анко сейчас было намного проще и важнее…

— Что ж, тогда нам придется их достать, — сказал Мито, становясь все более и более решительным. «Если ответа не будет в Башне, я пойду к Узушио».

ВСЕ запечатывания основывались на том, что основали Узумаки, и у нее никогда не было возможности поехать туда. Если ее отец не сможет найти и переслать что-то, что могло бы снять печать с Анко, она сама найдет ответ! «Я запросю все доступные свитки в своем отчете».

«Твой отец никогда не позволит такой опасной информации покинуть Башню Хокаге, Мито», — сказала Цунаде, садясь обратно. «И твой приговор означает, что ты застрял ЗДЕСЬ».

«Технически это неправда», — сказала Мито, зная, что у нее есть работа, но теперь ее подруга отчаянно в ней нуждается. «Я изгнана из Конохи. Именно здесь мой отец просил — и поручил — мне остаться: я наконец-то посмотрела на свой чертов приговор», — горько рассмеялась она. ПОЧЕМУ ей потребовалось так много времени, чтобы посмотреть на это, Мито знала: это было слишком больно, но это все равно злило ее - в основном на себя.

Если бы она улетела до того, как получила эту миссию, она могла бы очень вырасти.

Подросток с гетерохромными волосами и глазами увидел, что ее заявление об уходе заставило Цунаде нервничать, поэтому она высказала все, что ее наставник хотел сказать, чтобы отговорить ее. «В любом случае, как Орочимару-одзи, предположительно, научился чему-то подобному? Он не эксперт по тюленям! Эро-одзи говорил это сто раз!»

— Кто знает, — сказала Цунаде, выглядя несчастной.

Мито почувствовал приближение мигрени. Она наблюдала, как Цунаде кормила подругу своей исцеляющей чакрой, и испытала некоторое облегчение, когда на лицо Анко наконец вернулся небольшой цвет. «Я ценю, что ты пришел, но что тебя так разозлило?» Цунаде вошла в свою комнату, как товарный поезд, прежде чем увидеть Анко-чан.

«Ты думал, что я трахнула Джирайю», — ответила Цунаде с отвращением.

Мито застонал. «Шизуне должна была держать рот на замке», — прорычала она про себя.

«Глупые девчонки! Как будто я позволила этому развратнику прикоснуться к себе!»

«Ну, твоя кровь была с тобой », — довольно глупо сказала Мито, — «и я «получил» кровь Джирайи и Казумы… Казума действительно выглядит так, будто он мог бы быть твоим, понимаешь! Оуууу!»

Цунаде ее трахнула!

«После того, как Шизуне пришла сказать мне, что у меня может быть сын », — прорычала Цунаде, злясь на обеих девочек (и пытаясь игнорировать то, как выражение лица Мито изменилось на выражение ликования), «Я сама проанализировала нашу кровь. Этот парень Кадзума ОПРЕДЕЛЕННО не мой сын. Но он сын Джирайи».

"Ебена мать!"

«Черт возьми», — согласилась Цунаде, думая, что это не должно быть таким уж сюрпризом, учитывая то, как этот человек передвигается, — но…

— Так почему же Шизуне тогда подумала, что он может быть твоим сыном?

Цунаде цокнула языком, сожалея, что сказала это. Обычно она была осторожным человеком, хотелось бы ей думать, но со своими девочками она всегда теряла бдительность. «В гаки, который ты взял, есть кровь Сенджу».

«О, черт возьми», — воскликнула Мито, прижимая руки ко рту. Казума действительно был родственником Джирайи И Цунаде! "Он был украден?"

Цунаде покачала головой и откинулась назад, убедившись, что Анко все еще без сознания, но стабильна. «Оказывается, этот глупый извращенец — сын моего дедушки. Надо было видеть: они так похожи, это отвратительно!»

Мито снова проверил Анко, проведя еще одну диагностику, несмотря на то, что Цунаде уже это сделала, прежде чем издать смешок, каким бы ужасным ни было положение Анко. «Ну, может быть, вы с Джирайей двоюродные братья: в некоторой степени дальние родственники », - сразу пояснила она, когда верхняя губа Цунаде скривилась, отчего она выглядела довольно психотически убийственной, - «наконец-то избавит его от вашей мысли о женитьбе - или просто о том, чтобы сделать это».

— Большой шанс, — вздохнула Цунаде, прежде чем снова ударить Мито, когда та встала. Когда один из ее учеников снова проверил ее запечатанную подругу - черт возьми: теперь на них обоих есть две печати - Саннин-слизняк почувствовал облегчение от того, что контроль над чакрой Мито казался намного лучше. С некоторой неохотой (из-за трюка, который проделали Мито и Шизуне) Цунаде наклонилась, чтобы поцеловать подростка в голову. «Пока я здесь, я схожу в храм Узумаки, чтобы проверить это».

«О, Ками! Спасибо», — воскликнула Мито, неожиданно взволнованная по совершенно другой причине.

«Сейчас ты меня благодаришь, но когда я вернусь, я преподам тебе урок за то, что ты украл мою кровь и думаешь, что у меня что-то происходит с этим извращенцем!»

«Шизуне взяла твою кровь, а не меня!»

На следующее утро Цунаде выбила из нее все дерьмо в большом спарринге, но она также принесла Мито несколько свитков, которые были запечатаны в храме Узумаки. Анко оставалась с ней несколько дней, утверждая, что Орочимару запечатал ее только для того, чтобы выследить ее на случай, если с ней случится что-то ужасное, но обе девушки знали, что он лжет.

В чем заключалась игра Орочимару?

Минато пошатнулся после разговора с Цунаде.

1. На личном уровне

А. Его сенсей потеряет самообладание, когда узнает, что у него есть сын. И, возможно, внук! Черт: его сенсей собирался сходить с ума из-за того, кто его отец - или, возможно, Джирайя уже знал и все эти годы хранил в секрете то, что он сын Сенджу Тобирамы?

На лице лучшей подруги Б. Мито была проклятая печать небес: печать контроля!

2. Он ДУМАЛ, что в столице может произойти возможный переворот, благодаря Данзо.

3. Теперь он беспокоился, что Орочимару тоже может быть замешан. И, что еще хуже, похоже, что Орочимару экспериментирует на детях .

4. Ииз шпионской сети своего сенсея он узнал, что Казекаге начал продавать свой драгоценный золотой песок, чтобы поддержать свою деревню. Сабаку-но Раса был важным союзником: одним из немногих, которые были у Конохи. Поездка в Суну была запланирована. Он слишком долго застрял в деревне, пленник политики.

Пришло время напомнить деревне и всему миру шиноби, кем именно он был! Ему хватило чуши Старейшин на всю жизнь. Они могли либо уйти с его пути, либо он их уничтожил.

«Мальчики», — сказал он, обращаясь к своему охраннику. «Я собираюсь в Суну, даже если для этого мне придется удивить Расу». Он уже довольно яростно писал Казекаге приглашение на встречу. «Я хочу, чтобы вы были готовы уйти в любой момент, начиная с пятницы».

«Хай», — взволнованно рявкнули Генма, Райдо и Иваши. Они давно не выходили из деревни.

«Какаши, ты и сенсей будете моими охранниками на встрече...»

http://tl.rulate.ru/book/96211/3296479